

ИВГИ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

С.Д. Серебряный

ЗАМЕТКИ ПО СЛУЧАЮ 20-ЛЕТИЯ ИВГИ РГГУ

20 ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИВГИ, как и РГГУ в целом, – это 20 лет нашей жизни в эпоху перемен, после официального завершения того периода в истории нашей страны, который за неимением лучшего, более точного слова мы называем советским.

Как известно, РГГУ был создан (на основе Московского историко-архивного института) в 1991 г., за несколько месяцев до печальной памяти августовского путча, который положил конец горбачевской перестройке и, по-видимому, сделал необратимым процесс распада СССР. После бесславного провала путча РГГУ получил новые возможности для развития, обретая, в частности, комплекс зданий бывшей Высшей партийной школы на Миусской площади – комплекс, включающий в себя, среди прочего, здание Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Именно здесь весной 1992 г. и был учрежден Институт высших гуманитарных исследований РГГУ.

В советское время было выражение: ровесник Октября. Так называли людей, родившихся в 1917 г. или около того, но иногда – с большей или меньшей долей иронии – такое название могло применяться и к вещам неодушевленным, например к дому или предмету мебели. ИВГИ же (как и РГГУ в целом) можно назвать ровесником того перелома в истории нашей страны, который воспринимался и воспринимается как «отмена», преодоление так называемой октябрьской революции 1917 г. У этого перелома нет какой-либо одной символической даты, вроде 25 октября / 7 ноября 1917 г. Его не символизирует какое-либо одно событие, вроде пресловутого (позже придуманного) штурма Зимнего дворца или залпа «Авроры» (которого тоже не было;

был один холостой выстрел). Правда, 19–21 августа 1991 г. была защита Белого дома – в ожидании его штурма, к счастью, не состоявшегося (что лишний раз подчеркивает и перекличку, и контраст между 1917-м и 1991-м), но ни те незабываемые дни, и никакое другое событие не стали и вряд ли станут главным и единственным символом перемен, которые случились в конце 1980-х – начале 1990-х годов, а потому после них и не возникло никакого выражения, вроде «ровесник Октября». Но это обстоятельство не мешает нам осознавать, что РГГУ и ИВГИ как часть университета возникли именно в те месяцы, когда рушилась прежняя политическая система. Они возникли на волне надежд, которые теперь выглядят во многом наивными. Как и многие другие надежды и планы того времени, наши планы и надежды, связанные с ИВГИ, осуществились далеко не в полной мере и/или не всегда так, как представлялось тогда. Тем не менее, оглядываясь назад, на прошедшее двадцатилетие, мы можем увидеть не только несбывшиеся мечты, но и некоторый, как теперь говорят, позитив, некоторые основания для новых надежд.

Нам, сотрудникам ИВГИ, не раз приходилось и приходится сочинять разные официальные и неофициальные тексты, объясняющие существование нашего института. В таких случаях мы обычно пишем, что ИВГИ – это едва ли не первый в нашей стране университетский научно-исследовательский центр академического типа в области гуманитарных наук и что он призван был наводить мосты между академической наукой и университетским преподаванием, поскольку в советское время таких мостов почти не существовало и это пагубно сказывалось на развитии науки в целом. Все это сущая правда, но не вся правда. Другая, может быть, более важная ее часть заключается в том, что для самих учредителей ИВГИ главной идеей и главной мотивацией при создании института была идея научной свободы, потому что именно свободы больше всего не хватало ученым-гуманитариям (как и многим другим) в советское время.

Замысел создать сообщество свободных ученых-гуманитариев, свободный научный центр – одновременно и академический, и университетский, – возник еще в конце 1980-х, в годы перестройки и оптимистических мечтаний, в кругу нескольких

ученых-нонконформистов. Из тех «зачинщиков» или «отцов-основателей» ИВГИ ныне здравствуют лишь Юрий Николаевич Афанасьев и Леонид Михайлович Баткин. Надеюсь, кто-то из них или даже они оба еще напишут свои воспоминания и об учреждении РГГУ, и о создании ИВГИ. Так или иначе очевидно, что материальные условия для возникновения чаемого научного сообщества появились только тогда, когда возник и окреп РГГУ.

* * *

В конце 1980-х и в самом начале 1990-х годов многим (автору этих строк в том числе) казалось, что у нашей страны появился шанс оторваться, отрешиться не только от советского наследия (как выразился А.И. Солженицын, от «людожорской полосы в три четверти века»), но и в целом от инерции нескольких вековой истории, приведшей Российскую империю к кризису и крушению в начале прошлого, XX столетия. Ведь советский период (при всей его ужасной и, может быть, небывалой трагичности) можно рассматривать как проявление или последствие того кризиса. Прошедшие 20 лет, увы, показали, что и от советского наследия избавиться не столь просто, как тогда могло казаться, и предыдущие века все еще висят на нас тяжелым грузом. Более того, прошлое – и советское, и досоветское, даже иногда допетровское, доимперское – иногда весьма агрессивно пытается взять реванш и утвердить себя в сегодняшней нашей жизни.

Большинство ныне живущих россиян, кажется, еще не осознало в полной мере весь ужас так называемой советской власти – и степень того, может быть, непоправимого вреда, который был нанесен нашей стране в советское время, особенно с 1920-х по начало 1950-х годов. В частности, насколько мне известно, не описан пока в полной мере тот урон, который был нанесен в эти годы отечественным гуманитарным (и, разумеется, общественным) наукам в целом, хотя есть уже описания бедствий, обрушивавшихся на отдельные отрасли знания¹.

После смерти Сталина советская система постепенно (хотя и неохотно, с постоянными откатами назад) эволюционировала в сторону все большей и большей либерализации. Среди прочего, больше свободы для развития получали и гуманитарные науки. И в последнее советское тридцатилетие (с середины 1950-х по конец 1980-х годов), словно трава сквозь асфальт, в СССР произросли новые поколения гуманитариев, которые успели потом подышать и воздухом постсоветской свободы. Представители именно этих поколений были отцами-основателями ИВГИ – и его старшими (не по штатному расписанию, а по возрасту) сотрудниками на протяжении примерно полутора десятка лет.

Но прежде чем говорить об отцах-основателях ИВГИ, хочу назвать имя еще одного человека, чей образ, несомненно, вдохновлял учредителей ИВГИ и до сих пор неразрывно связан с деятельностью нашего института: Юрий Михайлович Лотман (1922–1993).

Юрий Михайлович родился в Петрограде в очень образованной семье: отец был юрист, а мать – выпускницей Сорбонны. Учился Ю.М. сначала (1930–1939) в знаменитой Петришуле, одной из старейших школ России, основанной немцами-лютеранами в начале XVIII в.², а затем – в Ленинградском университете. Но в 1940 г. он был призван в армию, прошел всю войну (сначала отступая от Молдавии до Кавказа, а потом наступая вплоть до Берлина), в 1942 г. даже вступил в компартию и демобилизовался лишь в 1946-м. В 1950-м окончил университет, но работу в Ленинграде получить не смог (тогда боролись с «космополитизмом») и уехал в Эстонию, в Тарту, где и прожил до конца жизни. Многие годы Ю.М. возглавлял в Тартуском университете кафедру русской литературы. Он был едва ли не в первую очередь историком русской литературы XIX в., но больше прославился – и в своем отечестве, и за его рубежами – работами по семиотике и структурной поэтике³. В 1970-е годы среди отечественных литературоведов три имени были, если я не ошибаюсь, наиболее авторитетны и чаще всего поминаемы: Бахтин, Лихачев и Лотман. За пределами же отечества слава Лотмана среди гуманитариев может сравниться лишь со славой Бахтина.

В Тарту и рядом с Тарту, на спортивной базе Тартуского университета в местечке Кярику, в 1960-х и 1970-х годах время от времени происходили конференции по семиотике, на которые съезжались участники из других городов, в основном из Москвы и Ленинграда. Позже стали говорить о Тартуско-московской или Московско-тартуской (это с какой стороны смотреть) школе⁴, но слово «школа» здесь следует понимать не столько в смысле «научная школа», сколько в смысле «свободное содружество ученых разных специальностей». Саму семиотику, связанную с именем Лотмана, определяли – полушутя, полувсерьез – как «то, о чем нельзя говорить в Москве и Ленинграде, но можно в Тарту». Эстония, хотя и была тогда частью СССР, всеми приезжими из двух столиц воспринималась как несколько иной мир – и действительно была несколько иным миром, со своим языком и своей культурой. И 20 с лишним лет независимости между двумя мировыми войнами не прошли даром. Феномен Ю.М. Лотмана и его семиотики недаром возник именно в Тарту, одном из старейших университетских городов в тогдашнем СССР. У приезжавших в Тарту и Кярику в 1960-е годы возникало чувство некой экстерриториальности или, по М.М. Бахтину, «внеаходимости», а проще сказать – (большей) свободы.

Среди тех, кто в 1992 г. учредил ИВГИ, было несколько человек, тесно сотрудничавших с Ю.М. Лотманом и более или менее часто навещавшихся в Тарту. Рискну высказать предположение, что ИВГИ как научное сообщество было задумано во многом именно по образцу тартуанского содружества ученых-гуманитариев.

Когда в декабре 1993 г. Ю.М. не стало, заседание его памяти в ИВГИ было решено считать первыми Лотмановскими чтениями. С тех пор каждый год в конце декабря в ИВГИ происходят Лотмановские чтения, всегда привлекающие большое количество участников – из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, из Тарту и Таллина, а также из иного ближнего и дальнего зарубежья. Этими Чтениями мы пытаемся сохранить и продолжить ту традицию свободного научного творчества, которая связана с именем Юрия Михайловича Лотмана.

Первым директором ИВГИ, руководившим институтом в течение 12-ти с лишним лет, был Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005). Он не раз бывал в Тарту, сотрудничал с Ю.М. Лотманом, но его научная деятельность не сводилась ни к структурным, ни к семиотическим исследованиям, которыми он, разумеется, также занимался. Е.М. был энциклопедически образованным человеком, и областью его научных изысканий была вся мировая словесность, но в первую очередь – фольклор, т. е. словесность устная, и архаичные формы словесности письменной. Биография же самого Е.М. похожа то ли на героический эпос, то ли на волшебную сказку⁵.

Он родился 22 октября 1918 г., почти ровно через год после октябрьского переворота в Петрограде, т. е. был, можно сказать, «ровесником Октября». Далее предоставляю слово моему коллеге по ИВГИ М.Л. Андрееву, потому что не смогу написать лучше, чем это сделал он:

«Первая публикация Елеазара Моисеевича Мелетинского датируется 1941 годом. Более шестидесяти лет в науке, и какие были эти шестьдесят лет, как легко мог оборваться, едва начавшись, этот путь в науке, стоит ли говорить? Стоит, наверное: хотя бы потому, что Е.М. Мелетинский – единственный из великих русских гуманитариев нашего времени, чья биография так тесно сплелась с биографией века, со всеми его трагическими изломами.

Итак, первая публикация – “Интернациональная литература”, последний номер 1941 года. Ее автор, ифлийский аспирант, учился на курсах военных переводчиков. Он мог бы не идти в армию – в ИФЛИ предлагали преподавательскую должность и бронь. Его оставляли в Военном институте – он попросился на фронт. Его оставляли в штабе фронта – он попросился на передовую. “Мое понимание чувства долга очень приблизилось к официальному, и этот долг выступал как императив, противостоящий себялюбию, трусости, мешанству”⁶.

Он чудом избежал плена, выходя из окружения летом 42-го. Вышел – и попал в лапы особого отдела. Получил десять лет лагерей “за антисоветскую агитацию с целью разложения Красной армии”⁷. Чудом не сгинул от голода и болезней в пересыльной



Е.М. Мелетинский

тюрьме в Тбилиси. Был освобожден по активровке и вторично арестован в 1949 году: пять с половиной месяцев одиночки во время следствия и пять лет лагерей (приговорили к десяти, но реабилитировали после смерти Сталина). Первый “чистый” паспорт (выданный не на основании справки об освобождении) получил только в 1964 году.

Советская официальная научная среда его отторгала (постоянную поддержку он находил только у В.М. Жирмунского). В 1940–1950-е годы подозрение вызывали ссылки на зарубежных исследователей,

в 1950–1960-е – компаративистский уклон, в 1960–1970-е – структурно-семиотические методы. В ИМЛИ, где он некоторое время заведовал сектором фольклора, его чуть не затравили присяжные имлийские фольклористы. Докторскую диссертацию он был вынужден защищать дважды (первую, по “герою волшебной сказки”, отклонили в ВАКе под тем предлогом, что она не соответствует профилю диссертационного совета). В члены Академии его так и не выбрали: с академическим рангом С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова и В.Н. Топорова выборщики из ОЛЯ в конце концов смирились, но против Мелетинского стояли насмерть.

В ИМЛИ он прибил к отделу, готовившему “Историю всемирной литературы”, и обрел в нем нечто вроде тихой пристани: именно здесь, где ему, по крайней мере, не мешали, написано большинство его самых значительных работ⁸. Но научной кельи ему было мало: он всегда хотел и находиться в созвучной ему научной среде, и сам ее формировать. К этому по-прежнему не допускали: единственными отдушинами были тартуские летние

школы и собственный домашний семинар. “Железный занавес” для него приоткрылся только в 1987 году – и он объехал с лекциями и докладами крупнейшие университеты Европы и Америки. А в 1992-м сбылась еще одна мечта: Е.М. Мелетинский возглавил Институт высших гуманитарных исследований РГГУ, в котором ему виделось воплощение идеала свободного научного сообщества.

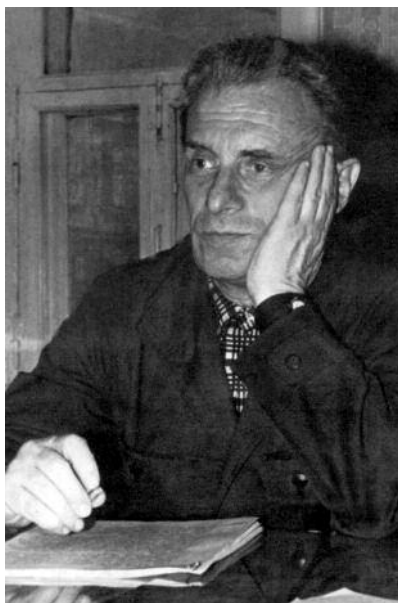
Научное творчество Е.М. Мелетинского при огромном разнообразии тем и предметов отличается поразительной стройностью и последовательностью: создается впечатление, что на протяжении полувека он осуществлял единый проект...

В своих воспоминаниях он писал: “С раннего детства мое сознание тянулось к представлению об осмысленной связи целого... Не зная еще этих слов, я всегда был за Космос против Хаоса... На более позднем этапе проблема Хаоса / Космоса и их соотношения в модели мира стала центральным пунктом моих философских размышлений и научных работ”⁹. Ту точку обзора, которая позволила превратить хаос явлений и форм в космос научно упорядоченной картины мировой литературы, Е.М. Мелетинский нашел в исторической поэтике...

Научное наследие Е.М. Мелетинского... обладает качеством, далеко не всегда присущим сколь угодно новаторским исследовательским разработкам, – качеством воспроизводимости. Воспроизводимы, конечно, не широта обзора и не масштабность открытий – воспроизводимы подходы и принципы. Воспроизводим, хочется верить, и тот императив рационального знания, которому Е.М. Мелетинский был неизменно верен. “И, может быть, – думал я, – если у меня хватит сил не опустить глаза перед Хаосом жизни, то я смогу, без лишних иллюзий, вносить сознательно смысл в свою жизнь и в жизнь людей, меня окружающих. И эта гордая мысль меня немного утешала...”¹⁰¹¹.

Мне остается добавить, что и после 1992 г. Е.М. продолжал плодотворно работать в науке – и до последнего года жизни читал лекции студентам РГГУ. А свойства его человеческой личности: доброта, терпимость к чужим мнениям при непреклонной твердости в принципиальных вопросах – немало способствовали тому, что ИВГИ просуществовал столько лет, несмотря на раз-

личные проблемы, и внешние и внутренние. Поэтому в 2006 г. по просьбе сотрудников ИВГИ нашему Институту было присвоено имя Е.М. Мелетинского. Вот уже несколько лет в день рождения Е.М., 22 октября, или около этой даты в ИВГИ происходят однодневные Мелетинские чтения: ученики и младшие коллеги Е.М. читают доклады на темы, так или иначе связанные с его научными интересами.



В.С. Библер

Ровесником Е.М. Мелетинского был Владимир Соломонович Библер (1918–2000), который стоял несколько особняком среди ивгийцев старших поколений, потому что с гордостью называл себя философом, в то время как другие еще с советских времен философии скорей чурались, привыкнув видеть в ней лишь служанку официальной идеологии.

В.С. окончил МГУ (исторический факультет) в 1941 г. и сразу ушел на войну. После войны поступил в аспирантуру Института философии АН СССР и в 1951 г. защитил там кандидатскую диссертацию на тему «Философские воззрения послевоенной немецкой социал-демократии». Но тогда все еще шла «борьба с космополитизмом», и В.С. уехал преподавать философию в Сталинабад (ныне – Душанбе). В Москву вернулся только в 1959 г. и работал в разных учебных и научных учреждениях. Однако с 1965 по 1991 г. главной сферой приложения его сил был, очевидно, домашний философский семинар, который в 1991 г. переместился вместе с В.С. в РГГУ и получил имя «Архе». В.С. сначала принадлежал к той группе советских философов-нонконформистов, которые

в конце 1950-х и в начале 1960-х годов пытались вернуться к «подлинному Марксу». Но впоследствии В.С. ставил перед собой более широкие задачи и, развивая идеи М.М. Бахтина, назвал свои философские поиски «Школой диалога культур». Один из учеников В.С., А.В. Ахутин, после кончины учителя некоторое время работал в ИВГИ, но потом все же перешел на философский факультет РГГУ.

Чуть младше Е.М. Мелетинского и В.С. Библера был Георгий Степанович Кнабе (1920–2011), жизнь которого была не менее драматична. Г.С. родился в семье гимназических преподавателей и с раннего детства жил в Москве, в районе улицы Арбат, чему сам придавал какое-то особое, риску сказать, мистическое значение. Учился он в 1929–1938 гг. в «очень арбатских» (по его собственному выражению) школах – бывших гимназиях. В 1938 г. поступил в тот же легендарный МИФЛИ, где учился и Е.М. Мелетинский. Но в 1941 г. пошел добровольцем на фронт, был тяжело ранен в феврале 1942-го, демобилизован – и в 1943 г. окончил уже филологический факультет МГУ (с которым к тому времени слили МИФЛИ).



Г.С. Кнабе

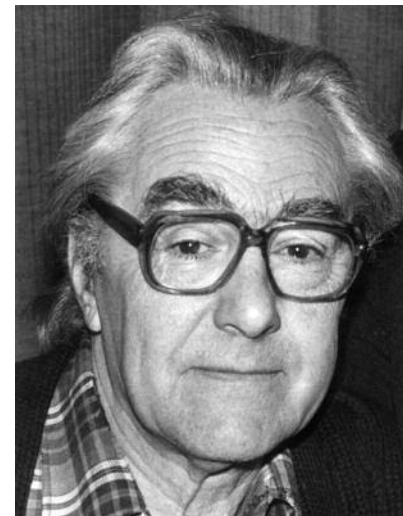
В течение многих лет Г.С., что называется, благоразумно «не высывался»: преподавал различные иностранные языки (латынь, французский, английский) в разных вузах – столичных и нестоличных. С 1960 г. в течение 26 лет заведовал кафедрой иностранных языков ВГИКа – и лично обучал французскому языку, среди прочих студентов, таких в будущем знаменитых

кинорежиссеров (оскароносцев!), как Н.С. Михалков (по словам Г.С., к языкам тот большого прилежания не выказывал) и В.В. Меньшов. Последний на похоронах Г.С. произнес очень прочувствованную речь, сказав, что многим обязан Г.С. не только и не столько в смысле французского языка, сколько в смысле общей культуры и взглядов на жизнь (как тут не вспомнить рассказ Валентина Распутина «Уроки французского»!). В полный рост Г.С. смог встать лишь в 1960-е годы: он переводит «Историю» Тацита, позже пишет о нем книгу¹² и в 1982 г. защищает в ЛГУ докторскую диссертацию опять-таки на тему о Таците. Древний Рим и римская культура становятся главной темой научных занятий Г.С.¹³ Позже к этой теме присоединяется смежная: римское наследие в культуре России и остальной Европы¹⁴. Во время работы в РГГУ Г.С. публиковал новые статьи и книги, готовил спецкурсы для студентов и аспирантов по различным темам из истории культуры и очень увлекся новой, постсоветской учебной дисциплиной под названием «культурология». В постсоветские годы Г.С. получил также возможность беспрепятственно путешествовать за границей, и этой возможностью он пользовался почти с юношеским пылом.

Следующим по возрасту сотрудником ИВГИ был Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006), историк-медиевист, ныне прославленный и в своем отечестве, и за его пределами. Но путь его к славе был тернист. А.Я. учился в конце 1940-х годов на истфаке МГУ у известных историков: академика Е.А. Косминского и профессора А.И. Неусыхина. В 1950 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, но по причине «пятого пункта» работы в Москве не нашел и с 1950 по 1966 г. преподавал в г. Калинин (ныне опять Тверь), в Калининском государственном педагогическом институте (теперь – Тверской гос. университет). В 1966 г. А.Я. был принят на работу в сектор истории культуры Института философии АН СССР, но в 1969 г. был изгнан оттуда за то, что в своих статьях посмел поставить под сомнение некоторые утверждения «классиков марксизма» о феодализме в Европе. Тем не менее статьи, вызвавшие гнев начальства, были опубликованы в виде книги¹⁵ – и она стала бестселлером, а А.Я. – зна-

менитым (такое было время!). Его приняли на работу в Институт всеобщей истории АН СССР, где он и проработал до конца своих дней.

Еще больше прославила А.Я. – и сделала его еще более одиозным в глазах начальства – книга «Категории средневековой культуры», вышедшая первым изданием в 1972 г.¹⁶ В 1992 г. А.Я. был одним из отцов-основателей ИВГИ и принимал активное участие в работе Института и РГГУ в целом до конца жизни. Уже в начале 1990-х А.Я. полностью ослеп, но продолжал интенсивно работать при поддержке дочери и учеников. Даже в последние годы жизни он время от времени читал лекции студентам: садился за стол перед студенческой аудиторией, нащупывал рукой микрофон – и говорил все полтора часа без запинки, звонким голосом. Студенты слушали его, как завороченные.



А.Я. Гуревич

На несколько лет младше А.Я. Гуревича был еще один столь же знаменитый сотрудник ИВГИ – Владимир Николаевич Топоров (1928–2005). Судьба, как кажется, была к нему благосклонней, чем ко многим другим. Опять-таки позволю себе использовать «чужое слово» (отрывок из анонимного некролога в интернете), потому что вряд ли смогу сказать лучше:

«Воистину, великий филолог Владимир Николаевич Топоров жил вопреки известному тезису “нельзя объять необъятное”. Разнообразие его интересов и увлечений, равно как и научная плодотворность производят впечатление мифа. Он автор двух тысяч работ (более 30-ти из них – монографии), относящихся к самым разным областям гуманитарного знания: лингвистике, литературоведению, религии, философии. Его исследования хронологиче-

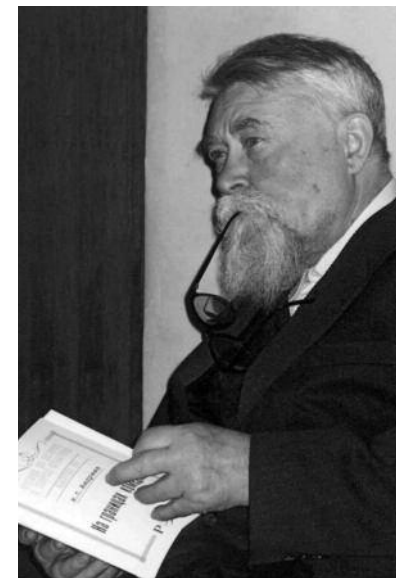
ски охватывают период с середины II тыс. до н. э. по конец XX столетия, пространственно – территорию от Египта до Индии и от Туркестана до Скандинавии; лингвистически они покрывают весь ареал распространения индоевропейских языков, прихватывая частично и семитские. Может быть, поэтому заслуги Топорова были отмечены отечественными и зарубежными университетами, академиями, научными обществами и столь непохожими премиями: Государственная премия СССР (в 1990 г. в знак протеста против военно-полицейских действий в Прибалтике он от нее отказался), премия Александра Солженицына (Топоров стал первым ее лауреатом в 1998 г.), премия Андрея Белого (2003) и др.

Он писал о Пушкине, Карамзине, Тургеневе, “Петербургском тексте” русской культуры и славянских языках, индийской драме, балтийской мифологии и начале литовской письменности. Он выпустил два масштабных тома “Святость и святые в русской духовной культуре”, огромный том “Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического”, многотомное издание “Прусский язык”. Всем памятливы его работы “К реконструкции индоевропейского ритуала”, “Ахматова и Данте”. Как справедливо отметил Николай Александров в своей заметке на смерть ученого, “этот небольшой человек с классической внешностью дореволюционного профессора обладал невероятной жизненной силой, фантастической энергией, которая проявлялась в его научных трудах, но также, например, в его страстном футбольном болении. И эта ‘витальность’, прорывавшаяся сквозь кажущуюся ‘тихость’, в немалой степени определяла его человеческую привлекательность”.

До последнего времени Топоров продолжал активно работать, а личность его была мало известна широкой общественности, – поэтому возникало впечатление, что автор еще так молод, что ему где-то около пятидесяти лет. Мыслитель, всей направленностью своей духовной работы противостоящий академизму, с декабря 1990 г. был избран в действительные члены Российской Академии наук. И это не меньшая странность для свободомыслящего читателя, привыкшего с 60-х годов делить гуманитарную науку на казенно-академическую и свободную (“лотмановскую”, “лосевскую”, “ивановско-топоровскую»)»¹⁷.

Впрочем, не все всегда гладко было и в научной работе В.Н. Так, в 1960 г., в возрожденной после долгого перерыва серии «*Bibliotheca Buddhica*», был опубликован знаменитый памятник буддийской словесности «Дхаммапада» в переводе (с языка пали) В.Н. Топорова и под редакцией Ю.Н. Рериха (1902–1960)¹⁸. На мой взгляд, это один из лучших переводов какого-либо буддийского текста на русский язык. Но начальство пришло в ярость, усмотрев в книге «религиозную пропаганду». Ю.Н. Рериха «вызвали на ковер», и, как говорят, некий босс топал на него ногами. Остановить или уничтожить книгу не удалось, потому что ее поддержал посол Цейлона в Москве и чуть ли не лично Джавахарлал Неру, тогда – премьер-министр Республики Индия. Но Ю.Н. Рерих вскоре после (и, как думают некоторые, вследствие) этого скандала умер, а В.Н. потом много лет не занимался буддийской тематикой, разве что под видом изучения языка пали.

В ИВГИ В.Н. работал со дня его основания и до конца своей жизни. Регулярно приходил на семинары и конференции; сам с докладами выступал редко, но в дискуссиях участвовал довольно часто. У него не было привычки (и, вероятно, склонности) к преподаванию, и писать он любил больше, чем говорить. За постсоветские годы он опубликовал огромное количество работ (книг, статей и т. д.), часть из которых, вероятно, лежала у него в столе еще с прежних времен¹⁹. Изучение его научного наследия может составить особую науку – *топорововедение* или *топоровологию*²⁰. Само его присутствие в РГГУ на протяжении многих лет не могло не оставить ощутимого следа в атмосфере нашего университета.



В.Н. Топоров

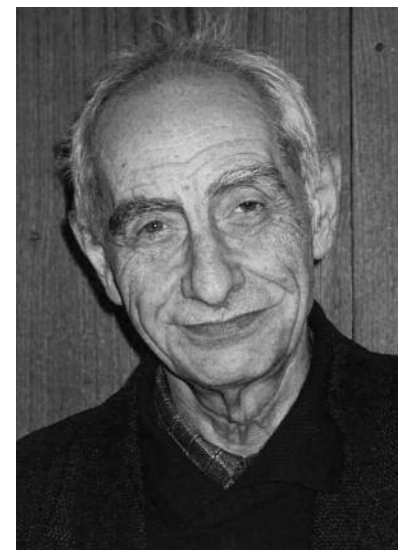
Близким другом В.Н. Топорова и его однокашником по филфаку МГУ был Павел Александрович Гринцер (1928–2009), филолог-классик по первоначальному университетскому образованию, ставший одним из главных отечественных специалистов по древнеиндийской, в первую очередь – санскритской литературе, но также и по сравнительному литературоведению и исторической поэтике. В 2009 г. автор этих строк опубликовал в журнале «Мировое древо» некролог П.А.²¹ Здесь позволю себе воспроизвести несколько абзацев из той публикации (с небольшими изменениями).

При жизни П.А. был менее знаменит, чем некоторые его ровесники или даже младшие коллеги. Однако нам, современникам, трудно предвидеть, как обойдется с прижизненной славой “Большое Время” и какие рейтинги оно раздаст тем или иным именам. Мне кажется (и думаю, со мной согласятся многие), что в будущих летописях отечественной науки и отечественной словесности имя П.А. Гринцера будет занимать одно из самых почетных мест.

Наука – и в особенности то, что мы называем по-русски гуманитарными науками – существует не в абстрактном хронотопе “чистого разума”, а создается конкретными, живыми людьми в конкретном историческом времени. Поэтому сохранение и продолжение научной традиции во многом зависит от человеческого взаимопонимания между представителями разных поколений в науке, между (в идеале) идущими один другим на смену поколениями учителей и поколениями учеников. В России XX в. гуманитарные науки существовали (точнее сказать, выживали) в режиме почти непрерывных разрывов между поколениями, но эти разрывы иногда неожиданным образом перекрывались, срачивались – пусть и непрочно, на живую нитку: живые (до поры до времени) люди были теми нитями, которые соединяли “столетий позвонки”.

Своей жизнью и своим научным творчеством П.А. соединил несколько эпох отечественной истории и несколько разрывов в истории отечественной науки. Его дед по отцу был меньшевиком – и, очевидно, не из рядовых. В 1920-е годы он, как и многие другие меньшевики, работал в советских учреждениях. В 1930-х годах

он счастливо избежал репрессий, которые настигли многих бывших меньшевиков, – и умер своей смертью в 1945 г., прожив, как и его внук, 80 лет. Отец П.А. в 1930-х был, как теперь принято выражаться, незаконно репрессирован, пробыл несколько лет в местах не столь отдаленных, вышел на свободу незадолго до начала войны, пошел добровольцем на фронт – и вскоре погиб. Можно только догадываться, какой отпечаток судьба отца оставила в сознании сына.



П.А. Гринцер

Сам П.А. принадлежал к тому поколению граждан СССР, которое – с горькой иронией – можно назвать детьми Великого перелома. Как известно, в советской исторической мифологии “годом Великого перелома” называли 1929-й. К этому году Сталин утвердил свою власть в правящей партии (ВКП(б)) и взял курс на радикальные преобразования (ускоренную индустриализацию, коллективизацию и т. д.), в западной советологии названные “третьей революцией”. По иронии судьбы именно в эти годы родилось то поколение людей, которому позже, от 1950-х до 1980-х, выпала на долю едва ли не главная роль в демонтаже системы, созданной Сталиным²².

Это поколение уже не погибало на фронтах второй мировой войны, которая собрала обильную жатву среди тех, кто родился в первую половину 1920-х. Родившиеся в 1926 и 1927 г. могли успеть повоевать. Те, кто родился в 1928-м и позже, в мясорубку войны уже не попали, хотя война, наверное, была одним из главных впечатлений их отрочества и юности.

Их университетские годы пришлось на глухую эпоху конца 1940-х – начала 1950-х годов, но зато среди их учителей были люди еще дореволюционной закваски, так что в студенческом

возрасте люди этого поколения могли соприкоснуться с традициями науки, мало или совсем не искаженными советской идеологией. Так, поступив на классическое отделение филфака МГУ, П.А. – вместе со своими друзьями В.Н. Топоровым, Т.Я. Елизаренковой, Вяч.Вс. Ивановым и другими ныне известными учеными – факультативно изучал санскрит и сравнительное языкознание у профессора М.Н. Петерсона (1885–1962)²³.

В 1957 г. П.А. стал сотрудником Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (с декабря 1991 г. – РАН), где и проработал более полувека – до самой смерти²⁴.

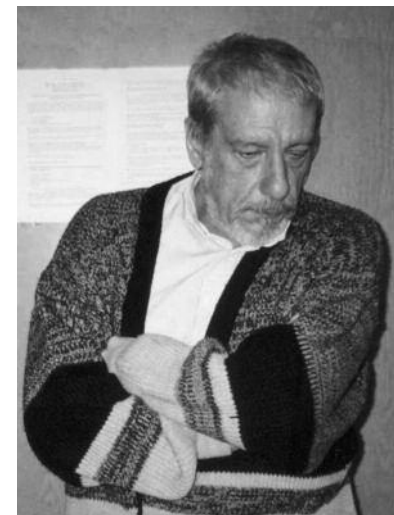
П.А. был и остается одним из столпов отечественной санскритологии. Его книга “Древнеиндийский эпос”, вышедшая 35 лет тому назад, до сих пор – самый авторитетный и самый богатый по содержанию труд на эту тему на русском языке. Монография “Основные категории классической индийской поэтики” (1987) столь же фундаментальна и столь же уникальна среди книг на данную тему на русском языке. Индологические статьи П.А., составившие первый том его “Избранных произведений”, еще долго будут, я уверен, источником идей, сведений и наслаждения для исследователей и учащихся.

С 1992 г. П.А., не оставляя работы в ИМЛИ, стал работать еще и в ИВГИ РГГУ и по праву может считаться одним из отцов-основателей этого института. В РГГУ П.А. иногда читал лекции студентам и/или аспирантам, но преподавание его явно не увлекало. Ему больше по душе было писать статьи и книги – и переводить с санскрита. Переводами с санскрита он занимался на протяжении многих лет. Он перевел на русский язык несколько “обрамленных повестей” (“Жизнь Викрамы”, “Хитопадешу”, одну из версий “Панчатантры”), несколько глав из “Океана сказаний” Сомадэвы, две из так называемых “пьес Бхасы”, главы из “Зеркала поэзии” Дандина. Сам П.А. считал наиболее значительным своим достижением в этой области перевод “романа” Баны “Кадамбари” (VII в. н. э.).

В 1990-е годы (или уже в нулевые?) П.А. начал переводить “Рамаяну” Вальмики. В 2006 г. вышел в свет перевод первых двух “книг” (из семи) этой “первопоэмы” санскритской литературы. В оставшиеся ему годы жизни П.А. успел перевести

“книги” третью и четвертую. Беру на себя смелость утверждать (и знаю, что это не только мое мнение): перевод “Рамаяны” П.А. Гринцера (хоть и незавершенный) будет считаться классикой русской словесности и станет рядом с “Илиадой” Н.И. Гнедича и “Одиссеей” В.А. Жуковского.

В ИВГИ, может быть, сложится традиция Гринцеровских чтений, которые впервые прошли в феврале 2011 г. Но в 2012 г., в марте, была успешно проведено (совместно с Институтом восточных культур и антинности РГГУ) очень необычное мероприятие, которое называлось так: «Филология футбола. Конференция памяти П.А. Гринцера и В.Н. Топорова». Два друга с юности увлекались футболом, а В.Н. Топоров, как говорят, подавал большие надежды как футболист. Нам еще предстоит решить, в какой именно форме мы будем в дальнейшем воздавать конференциями дань этим двум выдающимся ученым.



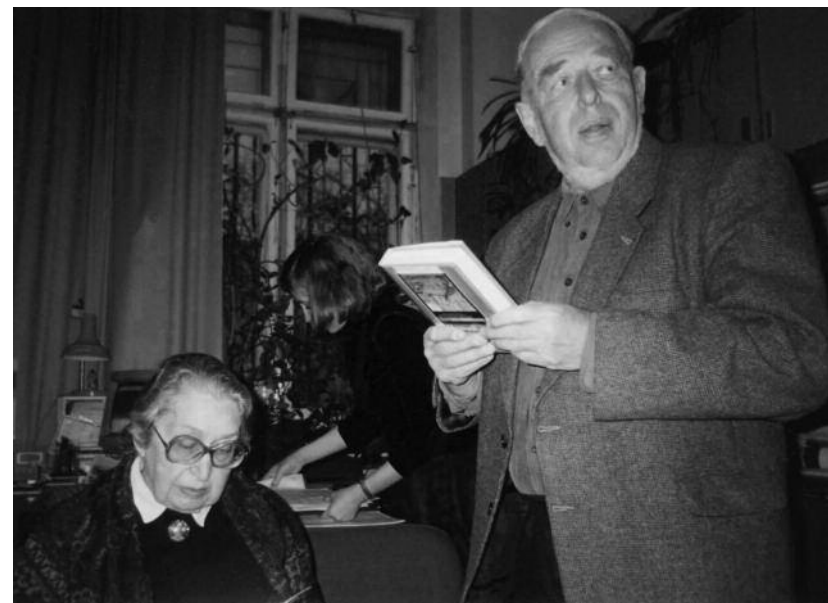
В.Б. Мириманов

Виль Борисович Мириманов (1929–2004), еще один из отцов-основателей ИВГИ, был искусствоведом. Человек скромный и непритязательный, В.Б. был едва ли не единственным в нашей стране специалистом одновременно в трех областях искусствознания: первобытное искусство, искусство тропической Африки и европейское искусство XX в. [прежде всего так называемый авангард(изм)]. На эти темы он написал с десятков монографий и немалое количество статей. А его собственная жизнь и судьба его семьи также могли бы стать предметом исторического исследования. Он происходил из старинного рода тифлиских армян. В.Б. рассказывал мне, что одна из его бабушек в юные годы переписывалась с английским философом Гер-

бертом Спенсером (1820–1903). Отец, отчим и дядя В.Б., занимавшие видные посты в советском партийно-хозяйственном аппарате, были репрессированы и погибли в 1937–1938 гг. Детство и отрочество В.Б. провел – вместе с матерью и двумя бабушками – в ссылке, в российской (точнее – в башкирской) глухомани. Тем не менее в 1950-е годы он получил высшее художественное образование и стал одним из ведущих отечественных искусствоведов-африканистов. Список основных публикаций В.Б. можно найти в интернете, в Википедии (на русском языке)²⁵. Нетрудно заметить, что число публикаций, появившихся после 1991 г., превосходит число публикаций советского времени. В издательстве РГГУ вышла автобиографическая книга В.Б. В ней он рассказывает о детских и отроческих годах, проведенных в ссылке, и о юных годах в Ленинграде²⁶. Мне кажется, что автобиографическая проза В.Б. со временем может встать в один ряд с такими классическими произведениями русской словесности, как автобиографические трилогии Льва Толстого и Максима Горького.

В.Б. был не единственным искусствоведом в ИВГИ. К кругу «старших ивгийцев» принадлежит и удивительная женщина – Ирина Евгеньевна Данилова, которая одновременно была (до ухода на пенсию) и заместителем директора по научной работе Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Именно по инициативе и благодаря посредничеству И.Е. здание РГГУ на Миусской площади стало филиалом ГМИИ: в РГГУ выставлены многие слепки скульптур и архитектурных фрагментов – античных, византийских, европейских средневековых и относящихся к эпохе Возрождения. Сама И.Е. – специалист по искусству Италии эпохи Возрождения, автор ряда прекрасных книг об этой эпохе и об истории европейской живописи²⁷.

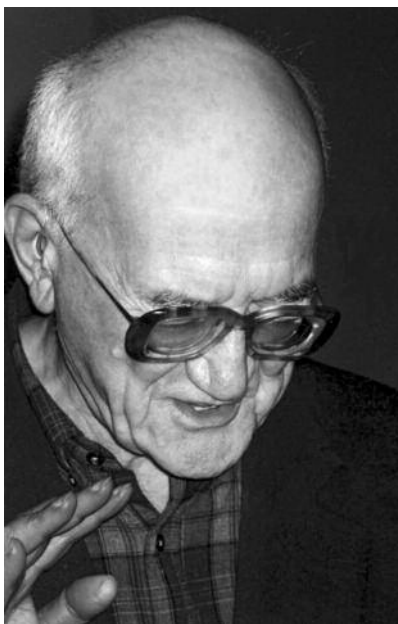
И.Е. виртуозно владеет пером, ее книги и статьи – прекрасные образцы живого русского научного стиля. Но и говорить И.Е. тоже умеет. Более десяти лет она читала студентам РГГУ лекции по истории искусства, и можно только позавидовать тем студентам, которым довелось слышать ее лекции.



И.Е. Данилова и Л.М. Баткин

Далее надлежит рассказать о тех сотрудниках ИВГИ, которые родились в 1930-х годах. Двое из них, к счастью, здравствуют и активно работают. Это известный историк культуры (прежде всего – культуры итальянского Возрождения) и общественный деятель Леонид Михайлович Баткин (р. 1932) и не менее известный лингвист Борис Андреевич Успенский (р. 1937). Здесь я воздержусь от более подробных характеристик как этих, так и других ныне здравствующих сотрудников ИВГИ, и лишь отошлю читателя к некоторым публикациям и интернетным ресурсам²⁸.

К сожалению, всего лишь 70 лет прожил Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005), едва ли не самый знаменитый на сегодняшний день сотрудник ИВГИ. Биография его небогата внешними событиями²⁹. Родился в Москве и умер в Москве. За пределы отечества смог выезжать только в постсоветское время – в более или менее длительные научные командировки. С 1952 по 1957 г. учился на классическом отделении филофака МГУ. С 1957 по 1990 г. работал в Институте мировой литературы



М.Л. Гаспаров

вал невообразимое количество русских и иноязычных поэтических текстов и стал классиком стиховедения. За подробностями отсылаю читателя к уже довольно обширной литературе о М.Л., но прежде всего – к его собственным автобиографическим текстам в необыкновенной книге «Записи и выписки»³⁰, а также к статьям о М.Л. в книге, которая планировалась в ИВГИ как Festschrift к его 70-летию, а вышла уже как книга в память о нем (Gedenkschrift)³¹.

С 2006 г. ИВГИ регулярно каждый год проводит Гаспаровские чтения – в апреле месяце, так как М.Л. родился 13 апреля. И эти чтения приобрели уже не меньшую популярность и не меньший авторитет, чем Лотмановские чтения.

Среди прочих автобиографических текстов М.Л. есть один, опубликованный в серийном издании ИВГИ в 2004 г. Этот очерк называется «Научная “щель”». В нем М.Л. написал: «Мне хотелось иметь такую научную щель, в которой поменьше давления от разномыслящих и поменьше конкуренции с единомыслящими.

им. А.М. Горького АН СССР (РАН). В 1990–2005 гг. работал в Институте русского языка им. В.В. Виноградова АН СССР (РАН). В 1990 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1992-ом – действительным членом РАН. С 1992 г. и до конца жизни работал еще и в ИВГИ РГГУ. Перевел на русский язык с латыни и других западноевропейских языков огромное количество текстов – прозаических и поэтических. Написал большое количество научных статей, а также различных преди- и послесловий к изданиям произведений русских и нерусских авторов. Обследо-

Последняя такая щель называется “лингвистика стиха”...»³². Это откровенное высказывание в большей или меньшей степени приложимо ко многим, если не ко всем, ученым-гуманитариям, сложившимся и работавшим хоть какое-то время в советские годы и не желавшим идти на слишком большие компромиссы с официальной идеологией.

Ученые стремились забиться каждый в свою щель, чтобы сохранить свою совесть и свой интеллект. Для М.Л. такими щелями были сначала классическая филология, потом стиховедение («лингвистика стиха»), для кого-то другого такими щелями становились санскритская литература, сравнительно-историческое языкознание, историческая поэтика и т. д. Впрочем, начальство вполне понимало такую стратегию – и для того, чтобы забиться в удобную щель, многим приходилось прилагать немалые усилия. И пусть будущие историки науки рассудят, насколько такая ситуация способствовала в целом развитию науки.

В советские годы свою особую щель смог застолбить себе и Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004), младший коллега и друг М.Л. Гаспарова, в свое время превосходивший его в популярности. В 1992–1994 гг., чуть больше года, С.С. проработал в ИВГИ и вносил, несомненно, большое оживление в жизнь РГГУ в целом. Но он, очевидно, не смог вписаться в постсоветский контекст и предпочел уехать в Вену, где и прожил последние 10 лет своей жизни, лишь время от времени навещаясь в отечество и, в частности, в РГГУ. О С.С. существует обширная литература, и, похоже, что он причислен уже к сонму «классиков».



С.С. Аверинцев

Фотография из архива Свято-Филаретовского православно-христианского института

Когда создавался ИВГИ, то наряду со «звездами» гуманитарной науки, с представителями старших поколений, о которых я попытался вкратце рассказать выше, в институт были зачислены и представители более молодых поколений – так сказать, на вырост и ради поддержания преемственности в науке. Г.С. Кнабе мог бы вспомнить при этом латинскую поговорку: *A bovi majore discit arare minor* (У старшего вола учится пахать младший). В последующие годы ИВГИ время от времени пополнялся также более молодыми учеными. В течение «нулевых» один за другим ушло большинство отцов-основателей ИВГИ: начало положили В.С. Библер (2000) и В.Б. Мириманов (2004), а в 2005 г. один за другим нас покинули М.Л. Гаспаров, В.Н. Топоров и Е.М. Мелетинский. В 2006 г. ушел в лучший мир А.Я. Гуревич, в 2009 г. – П.А. Гринцер. Теперь большинство сотрудников ИВГИ – это родившиеся во второй половине XX в.

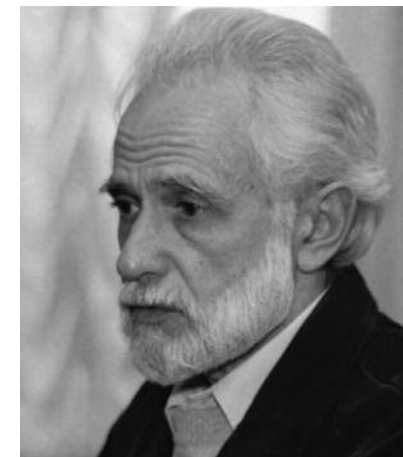
Но прежде чем продолжать (вернее – завершать) мое повествование, не могу не назвать еще двух человек.

Сергей Юрьевич Неклюдов (р. 1941) тоже был одним из отцов-основателей ИВГИ и 12 лет проработал заместителем директора Института: тянул на себе все организационное, а во многом и научное руководство этим непростым коллективом. С.Ю. вполне мог бы сказать о себе, что 12 лет работал в ИВГИ, «как раб на галерах». Но в 2004 г. С.Ю. создал в РГГУ свой собственный научный центр, Центр типологии и семиотики фольклора (ЦТСФ), – и ушел с одной галеры на другую. Поскольку с С.Ю. меня связывает многолетняя дружба, я не постесняюсь здесь сказать, что С.Ю. – не только выдающийся ученый, но еще и не менее выдающийся организатор науки и преподаватель (эти качества редко сочетаются в одном человеке). Сам С.Ю. называет себя учеником Е.М. Мелетинского, но теперь он уже и сам окружен многочисленными учениками. А ИВГИ во многом обязан именно ему своим успешным существованием на протяжении многих лет – и запасом прочности, которого, надеюсь, может хватить еще надолго³³.

С первых дней работает в ИВГИ и Елена Петровна Шумилова, которая при Е.М. Мелетинском и С.Ю. Неклюдове называлась ученым секретарем института, а в 2006 г. стала заместителем



Е.П. Шумилова



С.Ю. Неклюдов

лем директора. Но никакое официальное наименование должности не может в полной мере отразить ту роль, которую Елена Петровна играла и играет в жизни института. Можно сказать, что Елена Петровна – душа и сердце ИВГИ.

Когда в 1992 г., в самом начале постсоветского времени, создавался ИВГИ, то на него возлагались большие, рискну сказать, неоправданно большие надежды. Ю.Н. Афанасьев, а может быть, и кто-то еще из отцов-основателей, по-видимому, думали, что, собрав «под одной крышей» несколько звезд первой величины отечественной гуманитарной науки, можно в обозримые исторические сроки получить какие-то небывалые научные результаты. Ведь тогда могло казаться, что страна в целом решительно прорывает со своим советским и даже досоветским прошлым – и вот-вот совершит героический рывок к сияющим высотам светлого будущего. Но, как любили говорить в советское время, жизнь внесла свои коррективы. Не буду судить о стране в целом. Это огромная и болезненная тема. Что же касается ИВГИ, то, с одной стороны, завышенные ожидания образца 1992 г. не осуществились и вряд ли могли осуществиться, но, с другой стороны, ИВГИ оказался весьма осмысленным и во многом успешным экспериментом по созданию академического научного центра в рамках университета. Недаром в нескольких других вузах позже



А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич и Л.М. Баткин



С.Ю. Неклюдов и Г.С. Кнабе

были созданы подобные же научные центры, которые, судя по всему, тоже вполне успешно развиваются. Я имею в виду прежде всего Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ) в Высшей школе экономики и Центр гуманитарных исследований при РАНХ и ГС (Российской Академии народного хозяйства и государственной службы).

В 1992 г. (на самом деле чуть раньше) настало время того (по словам Тацита в переводе Г.С. Кнабе) «редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает»³⁴. В советское время могло казаться, что главные препятствия для развития гуманитарных наук – это закосневшая официальная идеология и цензура и что стоит только отменить эту идеологию и убрать цензуру, и все науки зацветут пышным цветом. Действительность оказалась намного сложнее.

Конечно, свободы стало сколько угодно – но включая и свободу от средств к существованию. В этом смысле ИВГИ, помимо прочего, сыграл положительную роль в сугубо материальном плане, обеспечив своим сотрудникам по крайней мере прожиточный минимум в трудные 1990-е. Сейчас мы нередко слышим, как то десятилетие называют «лихими девяностыми». Но для тогдашних сотрудников ИВГИ это было действительно первое десятилетие свободы: мы наслаждались тем, например, что можем устраивать какие хотим конференции и печатать их программы и тезисы, не нуждаясь ни в каких «визах» никакой цензуры. Большинство тогдашних сотрудников ИВГИ впервые смогло свободно ездить в зарубежные поездки, на конференции или в командировки. А ведь еще так свежи были в памяти унижительные запреты и унижительные прохождения через различные парткомитеты, имевшие право решать, кому дозволено, а кому не дозволено в какие страны ездить!

Что же касается собственно научных достижений, то, как теперь ясно, наивно было ожидать некоего кумулятивного эффекта от того, что в одном институте собралось несколько «звезд». Ученые, годами привыкшие сидеть в индивидуальных «щелях», не могли быстро перестроиться и творить науку коллективно. Каждый продолжал заниматься тем, к чему лежала душа. Но, в



И.Г. Матюшина



Е.С. Новик



А.В. Ахутин и Н.В. Брагинская



С.Д. Серебряный

конце концов, это и оказалось верной дорогой. Доказательство тому – хотя бы список книг, написанных и изданных сотрудниками ИВГИ за годы работы в институте (см. в этом номере «Мирового древа»). И позволю себе высказать предположение, что пребывание в стенах ИВГИ, регулярное общение между собой, а также со студентами, аспирантами и докторантами не могли не способствовать научному творчеству сотрудников института. А работа такого сообщества ученых в стенах РГГУ не могла не сказаться на интеллектуальном градусе университета в целом.

Позволю себе высказать и еще одно утверждение: работа ученого-гуманитария – дело очень индивидуальное. Бывают, правда, случаи успешной коллективной работы. И в ИВГИ есть такой опыт: работа семинара Н.В. Брагинской по сравнительному изучению позднеантичной, раннехристианской и иудео-эллинистической литературы. Можно сослаться и на опыт С.Ю. Неклюдова с его ЦТСФ. Но, по-моему, такие случаи – скорее исключения, чем правило. Чаще встречаются гуманитарии-индивидуалисты, различающиеся лишь степенью своего индивидуализма. Именно индивидуалистами – и весьма высоких степеней – были практически все «ивгийцы» старших поколений. Не меньшие индивидуалисты и большинство их младших коллег по институту.

Но одним из достижений ИВГИ можно считать то, что с первых дней его существования в нем установились и всегда сохранялись в высшей степени уважительные отношения между коллегами. Каждый осознавал себя индивидуалистом, но признавал и за другими право на индивидуализм. Опыт ИВГИ – это, помимо всего прочего, именно опыт многолетнего плодотворного сосуществования и сотрудничества незаурядных научных индивидуальностей в рамках одного института. Один из «секретов» успешности этого опыта заключается, очевидно, в том, что для всех сотрудников ИВГИ наука никогда не была средством достижения каких-либо вненаучных целей, никогда не была «кормушкой», к которой надо прорваться, растолкав локтями конкурентов. Наука воспринималась и воспринимается как безграничное поле деятельности, на котором каждый и каждая может прокладывать свой собственный путь.



А.И. Иваницкий



О.Б. Вайнштейн



М.Л. Андреев и М.Л. Гаспаров



С.Н. Зенкин



Н.С. Автономова



А.Я. Гуревич, Л.П. Петрик и Е.М. Мелетинский



М.Ю. Реутин и Л.В. Карасев

Прошло уже несколько лет после того, как нас покинуло большинство отцов-основателей ИВГИ, но мы все еще живо ощущаем их присутствие, издаем и переиздаем их книги и стараемся продолжать заложенные ими традиции. Наверное, можно сказать, что ИВГИ сегодня все еще пребывает в некоем переходном состоянии, но это состояние – отнюдь не бесплодное, не какой-то пробел в истории института. Однако о результатах, пожалуй, судить еще рано. И лучше о них пусть судят другие.

Будущее же ИВГИ предсказать не способна никакая наука. Многое зависит, конечно, от общего направления развития нашей страны. Если возобладают тенденции необрежневизма, неосталинизма или новомодного псевдоправославия или некая смесь того и другого и третьего, то никаким наукам, а особенно гуманитарным, несдобровать. Если же страна пойдет по более цивилизованному, гуманному и демократическому пути, то можно будет ожидать и дальнейшего развития гуманитарных дисциплин.

* * *

В 1973 г. в разговоре с моим старшим другом (ныне, увы, покойным) я сетовал на то, что страна развивается не так, как мне

и многим другим тогда хотелось. Это было начало брежневской «стабильности», которую потом назвали застоєм. Многие мои коллеги и ровесники уезжали за рубеж – как тогда казалось, навсегда. Я сказал, что уезжать не хочу, но чувствую себя внутренним эмигрантом. Мой друг сказал: «Чего ты хочешь?! Ведь после смерти Сталина прошло всего двадцать лет!»

Через 12 лет система стала рушиться.

Сегодня мы вновь живем в предчувствии перемен и вновь сетуем, что страна развивается не так, как нам хотелось бы. И сегодня, наверное, в ответ на сетования можно сказать: «Чего Вы хотите?! Ведь после кончины советской системы прошло всего двадцать лет!»

Остается надеяться, что ожидаемые перемены будут к лучшему, а не к худшему.

- 1 См., например: *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. Резюмируя материалы этих двух книг, Л.П. Лаптева пишет: «Процесс взаимоотношений советской власти с российской академической наукой закончился почти поголовным физическим уничтожением ученых-гуманитариев дореволюционного поколения, осуществленным с помощью сфабрикованных карательными органами обвинений» (*Лаптева Л.П.* У истоков трагедии отечественной гуманитарной интеллигенции // *Одиссей: человек в истории.* 2006: Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 444). См. также: *Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)* / Изд. подг. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003; *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., 2002.
- 2 См.: *Смирнов В.В.* St. Petrischule. Школа, что на Невском проспекте за кирхой: старейшая школа Санкт-Петербурга. 1709–2005 гг. СПб., 2006. См. также в интернете: http://fr.wikipedia.org/wiki/Sankt_Petri_Schule
- 3 См., например: *Егоров Б.Ф.* Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М., 1999. В Википедии Ю.М. Лотману посвящены страницы на 16 языках (см., например: http://en.wikipedia.org/wiki/Yuri_Lotman)
- 4 В Википедии есть страницы, посвященные этой «школе», на нескольких языках. По-русски и по-болгарски она называется «Московско-тартуской»,

- а по-английски, эстонски, польски и украински – «Тартуско-московской» (см. http://en.wikipedia.org/wiki/Tartu-Moscow_Semiotic_School). См. также: Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов. М., 1998.
- 5 См. автобиографические очерки Е.М., цитируемые в следующих сносках, а также: Елеазар Моисеевич Мелетинский: Биобиблиографический указатель (серия «Ученые РГГУ»). М., 2002. См. также страницы в Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Yeleazar_Meletinsky
- 6 *Мелетинский Е.М.* На войне и в тюрьме // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 435.
- 7 Там же. С. 488.
- 8 Книги Е.М. Мелетинского переведены на многие иностранные языки. Особенно популярной стала книга «Поэтика мифа» (1977): ее перевели на польский (1981), сербский (1984), венгерский (1985), португальский (в Бразилии, 1987), чешский и словацкий (1989), китайский (1990), болгарский (1995) и английский (1998) языки. Уже после кончины Е.М. в ИВГИ пришло письмо от одного издательства в Сеул: просили разрешения перевести «Поэтику мифа» на корейский язык.
- 9 Там же. С. 502.
- 10 Там же. С. 537.
- 11 *Андреев М.Л.* Не опуская глаз перед Хаосом // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 108–110, 112. Прошу прощения у читателей и у М.Л. Андреева за то, что вырвал куски из цельного текста этого некролога. Рекомендую читателям прочитать этот текст целиком. Он доступен и в интернете: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/and16.html>
- 12 *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. М., 1981.
- 13 См., например: *Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность: Очерки. М., 1986.
- 14 Подробнее о публикациях Г.С. см.: Георгий Степанович Кнабе. Биобиблиографический указатель (Серия «Ученые РГГУ»). М., 2007. См. также страницу в русской Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Кнабе,_Георгий_Степанович
- 15 *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе: Уч. пособие. М., 1970. В 1979 г. эта книга была переведена на шведский язык, а в 1982-ом – на итальянский.
- 16 *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984 (теперь есть и электронная версия в интернете: <http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich00.htm>). Эта книга имела большой успех за рубежом, сначала – в странах «социалистических», а потом и в прочих. Вышли переводы на румынский (1974), польский (1976), немецкий (1978, 1980, 1982, 1983), чешский (1978), испанский (1983), французский (1983), английский (1985), литовский (1989), португальский (1990), японский (1990)... Библиографию публикаций А.Я. см., например, в Википедии, где ему посвящены страницы на английском (http://en.wikipedia.org/wiki/Aron_Gurevich), белорус-
- ском, испанском, итальянском, каталонском, немецком, польском, чешском и, разумеется, русском языках.
- 17 <http://www.museum.ru/N24733>
- 18 Дхаммапада / Пер. с пали, введен. и коммент. В.Н. Топорова. Отв. ред. Ю.Н. Рерих. М., 1960. Впоследствии эта книга не раз переиздавалась, а ныне в интернете есть несколько ее электронных версий.
- 19 См.: Владимир Николаевич Топоров. 1928–2005 (Серия «Материалы к биобиблиографии ученых» РАН) / Сост. Г.Г. Грачева. Авторы вступительных статей Вяч.Вс. Иванов, Н.Г. Казанский. М., 2006. См. также страницы в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Топоров,_Владимир_Николаевич
- 20 Фамилию В.Н. иногда произносят (те, кто не знал его лично) с ударением на первом слове: Тóпоров – полагая, очевидно, что ударение на втором слове не достойно столь великого ученого (по аналогии: Иванóв – Ива́нов). Однако люди, знавшие В.Н. близко, в том числе его жена Т.Я. Елизаренкова, произносили его фамилию как Топорóв. Впрочем, когда я как-то спросил В.Н. лично, как же все-таки следует произносить его фамилию, он уклонился от однозначного ответа и прочитал мне небольшую лекцию о подвижности ударения в восточнославянских языках.
- 21 См.: *Серебряный С.Д.* Павел Александрович Гринцер // Мировое древо. 2009. № 15. С. 228–236.
- 22 Так, именно к этой возрастной группе принадлежат и М.С. Горбачев (р. 1931) и Б.Н. Ельцин (1931–2007).
- 23 См. о нем: *Кочергина В.А.* Профессор М.Н. Петерсон. М., 1996. Помимо всего прочего, отец М.Н. Петерсона, Николай Павлович Петерсон (1844–1919), школьный учитель в Ясной Поляне, лично знал Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского и был поклонником философа Н.Ф. Федорова, издателем его трудов.
- 24 Подробная библиография его трудов опубликована в книге Donum Paulum. Studia Poetica et Orientalia. К 80-летию П.А. Гринцера. М., 2008. В Википедии есть страница о П.А. на русском языке (http://ru.wikipedia.org/wiki/Гринцер,_Павел_Александрович), там можно найти список основных его публикаций и отсылки на другие сайты (некоторые из них, увы, не обходятся без ошибок).
- 25 См. http://ru.wikipedia.org/wiki/Мириманов,_Виль_Борисович
- 26 *Мириманов В.Б.* Прожитая жизнь. Несколько жизней. М., 2012.
- 27 См., например, библиографию трудов И.Е. Даниловой на сайте РГГУ: http://www.rshu.ru/who_is_who/detail.php?ID=4557
- 28 О Л.М. Баткине см., например: Человек – культура – история: В честь семидесятилетия Леонида Михайловича Баткина. М., 2002; в интернете: http://ru.wikipedia.org/wiki/Баткин,_Леонид_Михайлович и на сайте РГГУ: http://www.rshu.ru/who_is_who/detail.php?ID=4325. О Б.А. Успенском см., например: *Miscellanea Slavica.* Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М., 2008; в интернете: http://en.wikipedia.org/wiki/Boris_Uspensky и на сайте РГГУ: <http://ivgi.rshu.ru/article.html?id=56857>

- ²⁹ См.: Михаил Леонович Гаспаров. 1935–2005 (Серия «Материалы к биобиблиографии ученых» РАН) / Сост. Г.Г. Грачева, Ю.Б. Орлицкий, А.Б. Устинов. Авторы вступит. статей: С.И. Кормилов, Н.В. Брагинская. М., 2012; в интернете: http://en.wikipedia.org/wiki/Mikhail_Gasparov (в Википедии есть страницы о М.Л. на русском, английском, французском, эстонском – и на латыни!). Тексты многих работ М.Л. доступны теперь в интернете по адресу: <http://philologos.narod.ru/mlgaspar/gasparov.htm>
- ³⁰ *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2000.
- ³¹ Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006.
- ³² *Гаспаров М.Л.* Научная «щель» // Свой путь в науке: Коллективный портрет ИВГИ (Чтения по истории и теории культуры). М., 2004. Вып. 44. С. 31.
- ³³ О С.Ю. Неклюдове см., например: Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня (Сборник в честь 65-летия Сергея Юрьевича Неклюдова). М., 2008; и в интернете: http://ru.wikipedia.org/wiki/Неклюдов,_Сергей_Юрьевич
- ³⁴ *Корнелий Тацит.* Соч.: В 2 т. Л., 1969. Т. 2: История. С. 5.

С.Ю. Неклюдов

В НАЧАЛЕ ПОЗАПРОШЛОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

ЕСТЬ ДЕЛА, ДЛЯЩИЕСЯ ГОДАМИ, вовлекающие в свою орбиту большое количество участников и привлекающее заслуженно широкое общественное внимание. Таким делом, ставшим многолетним научным событием является Институт высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета.

В начале позапрошлого десятилетия, столь ярко завершившего уходящий век, в один из апрельских дней 1992 г., мы с Еленой Петровной Шумиловой сидели в фойе возле ректорского кабинета (сейчас это «аудитория 220») и составляли перечень «самого необходимого» – того, что в первую очередь требовалось для нового, еще не существовавшего, еще только задуманного подразделения Российского государственного гуманитарного университета; в ближайшем будущем ему предстояло стать Институтом высших гуманитарных исследований – едва ли не первым в стране гуманитарным университетским научным центром. Практически сразу же определившийся первый состав этого Института теперь вспоминается с восхищением и грустью: он был столь же ярк и уникален, сколь горькими и обильными стали утраты последних лет.

А вначале не было ничего; многие мелочи приходилось приносить из дома. Проблемой оборачивалось все – от скрепок до столов, но решались эти проблемы как-то весело, без напряжений. Помню наши первые пишущие машинки (они и поныне пылятся на шкафах, годные разве что для музея истории ИВГИ, которому вряд ли когда-нибудь суждено состояться).

Помню нашу первую зарубежную стажировку. Михаил Реутин, отправившийся в Берлинский технический университет, отстукал свой презентационный доклад на нашей латинской машинке, у которой буквы съезжали на надстрочный и подстрочный уровни, отчего строка получалась зигзагообразной, к тому же с плохо пропечатанными красноватыми краями (лента была